Цѣна 1к.

ВОЙНА СЪ ЗЛОДѢЕМЪ!

ВОЕННЫЙ юмористическій альманахъ

Экстренныя телеграммы Дѣда Травоѣда.

Складъ изданія: Москва Домниковская д. 2 кв. 25. При типографіи.

Какъ Вильгельмъ чорту душу продавалъ и др.
ЦѢНА 3 КОП. ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ. ЦѢНА 3 КОП.

Вышла и продается вездѣ новая книга.

Могила свободы.

Нѣмецъ строилъ храмъ свободы,
Весь обманывая міръ,.
Нынѣ знаютъ всѣ народы
Что у нѣмцевъ за куміръ.

Кулакомъ онъ лишь махаетъ:
Храмъ раасыпался свободъ,
И могилой называетъ
Этотъ храмъ земли народъ!

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 23758 69 г.

Экстренныя телеграммы.

ПЕТРОГРАДЪ

Слезы льютъ всѣ пивовары:
Алкогольный вишь, процентъ
Уменьшить велятъ имъ въ пивѣ:
—Алкоголь не конкурентъ!..
Онъ, голубчикъ, былъ кормилецъ,
Съ нимъ лишь пиво пилъ народъ,
А теперь цыпленокъ развѣ
Это пиво пить пойдетъ!

КРАКОВЪ.

Появилось привидѣнье:
Преогромнѣйшій казакъ!
Напролетъ всѣ ночи нѣмцы
Пляшутъ въ страхѣ краковякъ.

АНТВЕРПЕНЪ.

Нѣмцы въ городѣ пируютъ
Смотрятъ въ море съ высока:
Пусть британцы крейсируютъ
Намъ и здѣсь тепло пока!

БЕРЛИНЪ.

Съ Вильгельмомъ вышло приключенье:
Часа три рѣчь онъ говорилъ
И наконецъ отъ утомленья
Безъ чувствъ упалъ и носъ разбилъ.

———

У насъ теперь мужчинъ не стало—
Однѣ лишь женщины повсюду.
Въ трамваяхъ, въ лавкахъ, а мужчину
Увидѣть равно будетъ чуду!

НИШЪ.

У Сараева мы бьемся
Съ австріяками во всю,
Скоро гибели дождемся
На австрійскую змѣю.

БОРДО.

Нѣмцы снова всѣ усилья
Прилагаютъ, чтобъ къ Парижу
Быть немножечко поближе,
Да... коротки стали крылья!
Попытались у Лилля—
Имъ французы тамъ и влили!
Попытались у Руа—
Взбухла нѣмца голова!

ОСТЕНДЕ.

Насѣдаютъ на бельгійцевъ—
Нѣмцы съ силою ужасной
Отражать злыхъ кровопійцевъ
Приходилось ежечасно.
Все-же армія бельгійцевъ
Нѣмцамъ въ лапы не попала
И съ французскими войсками
Нынѣ рядомъ биться стала.

ТОКІО.

Кіао-Чао обложенъ—
Нѣмцы какъ въ лоушкѣ
Кушать имъ теперь осталось
Ружья лишь да пушки.
А съ такою „сытной" пищей
Ноги не потянешь,
И просить какъ жалкій нищій
Хлѣбушка тутъ станешь.

ТЬМУТАРАКАНЬ

Искали нѣмца три недѣли
А онъ отъ страха спрятался подвалѣ,
Гдѣ крысамъ было лишь раздолье
Они дурашку тамъ... и съѣли.

Телеграфистъ-юмористъ

Что такое казаки?

Раненный венгерскій офицеръ, очу-
вшись въ русскомъ плѣну, разска-
ваетъ о томъ, какъ онъ попалъ въ
ѣнъ.

— Меня одинъ казакъ забралъ подъ
дкомъ. Насъ было много, но онъ
омниться не далъ, выхватилъ изъ
роя. Вы представить себѣ не може-
что такое вашъ казакъ, когда онъ
титъ въ бой. Ихъ было много и мы
товы были сражаться, но они нале-
ли на насъ въ одинъ мигъ и я не
пѣлъ отклониться, какъ одинъ ка-
къ нанесъ мнѣ сразу три удара:
кой, саблей и кулакомъ. Какъ онъ
гъ такъ сразу — не знаю? Я даже
асть не успѣлъ: онъ схватилъ меня
шею, въ одинъ мигъ перетащилъ
свою лошадь и увезъ. Я очнулся
скоро и увидѣлъ много казаковъ и
ого нашихъ въ плѣну... О, ваши ка-
ки,—закончилъ венгерецъ,—съ ними
удно: они не хотятъ сражаться,
къ всѣ, а прямо налетаютъ, палятъ
берутъ...

ѣсня Кузьмы Крючкова.

хій Донъ мена вскормилъ—
оспиталъ въ казацкой волѣ;
е боятся научилъ—
ютой смерти, адской боли.

ыросъ я съ роднымъ конемъ,—
ловно съ милымъ, кровнымъ братомъ
леталъ въ поляхъ на немъ—
далымъ, казакомъ—хватомъ.

ика—словно мать—со мной!
абля острая сестрица;
ль не чудо я герой?
ль не сказка—небылица?

аиграли на войну
обираться трубы звонко;
а волной послалъ волну
онъ великій въ перегонку.

а границу на конѣ
помчался вольной птицей
съ врагомъ пришлося мнѣ
амъ столкнуться за границей.

Всемеромъ на одного
Нѣмцы храбрые напали
Да полчасика всего
Тутъ со мной повоевали.
Чисто стало впереди:
Вратъ у ногъ моихъ валялся!
А. Георгій на груди
У меня за то остался!

Житейскія мелочи.

ЯЙЦО КОЛУМБА.

(Съ натуры)

Въ окнѣ шляпнаго магазина выставлено объявленіе:

„Яйцо Колумба каждому при покупкѣ шляпы выдается безплатно“...

Останавливаются два мужика.

— Это что жъ за Колумбъ такой?..

— Надо полагать по всему, яичникъ какой-нибудь—въ передѣлку попалъ, такъ новый фортель выдумалъ, глубокомысленно замѣчаетъ другой.

НА БАЛУ.

(Практичный совѣтъ)

Дочь.—Я мамочка, ужасно счастлива если Иванъ Ивановичъ не приглашаетъ меня танцовать. Онъ ужасно некрасивъ, неловокъ и всѣ смѣются, когда онъ съ кѣмъ-нибудь танцуетъ.

Мать.—Имѣй въ виду, Маня, что холостые люди никогда не бываютъ не красивы.

ПОДАРОКЪ ТЕЩИ.

Дочь говоритъ отцу:

— Посмотри, какой хорошенькій подарокъ мама сдѣлала мужу: бокалъ съ ея портретомъ...

— Что же, она вѣрно хочетъ отучить его пить?..

РЕБЕНОКЪ.

Пшюттъ Франтиковъ встрѣчаетъ мадамъ Безпардонову, гуляющую съ шестилѣтнимъ ребенкомъ.

— Это вашъ? спрашиваетъ Франтиковъ.

— Да.

— Гм... онъ совсѣмъ не похожъ на вашего.

— Еще бы... отвѣчала обиженная дама.—Это отъ того еще времени, когда я была дѣвица.

Германская опасность.

Ужасъ смерти надъ землею
Нѣмцы сѣятъ, но скуп-
Хоть съ трудомъ, а всежъ
уздою
Ихъ взнуздаютъ осердя-
И теперь міръ слухи
Стали чаще возникать:
Не для новой бы горюхи
Этотъ міръ пришлось со-
здать?
Дайте срокъ лишь и тев-
тоны
Снова примутся мудрить
И народовъ милліоны
Снова смогутъ раздавить
Не снарядами—скалами
Будутъ жителей стрѣ-
лять:
Поглядите лучше сами
Что отъ нѣмцевъ можно
ждать!

Война съ нѣмцами.

Маралы, да еще и маралы-то съ изъянцемъ, эти самые Вильгельмъ съ Францемъ! Я-то думалъ, что они разворочаются, такъ только держись, а на мѣсто того вотъ ужъ два съ половиной мѣсяца пронеслись, а они только на одной Бельгіи и отыгрались. Во истину того—

Черти съ младенцемъ связались!

Съ младенцами воевать не штука и не только для генерала Клука, а даже и для нашего пастуха Никиты, который ухъ какой съ ребятами воевать сердитый, такую бомбардировку лаптями бывало заведетъ,

Всѣхъ на доски побьетъ!

А если нарвется на взрослаго мужика, сейчасъ и въ кусты—дралка, вродѣ какъ сейчасъ отъ русскихъ и французовъ—они Вильгельмъ съ Францемъ—жмутся, не говоря уже про англичанъ, которые германскій флотъ все ждутъ и никакъ не дождутся, когда значитъ, онъ изъ кустовъ покажется и удалую свою молодецкую показать отважится? Сидя на печкѣ только храбры нѣмецкіе генералы? Однимъ словомъ—

Маралы!

Говорю я эдакія словечки своей дурѣ одноглазой, Голендухѣ чумазой, а она въ тѣ поры держала въ рукахъ полъарбуза, да какъ, ни съ того, ни съ сего, треснетъ меня имъ по пузу, я такъ и присѣлъ на корачки отъ такой задачки.

Ты чего-жъ это, говорю, одноглазая цепнелина, арбузъ-то вѣдь не мина, а мое пузо тебѣ не Мосежъ, не много у него пользы найдешь, скорѣй сама, заткнувъ носомъ пальцы, какъ нѣмцы съ Вислы, назадъ уйдешь!

Молчи, гритъ, старый барабанъ, соломенный чурбанъ, не суйся въ политику, коли ничего не понимаешь... Ты какъ вѣдь о Вильгельмѣ розсуждаешь? По твоему всему онъ причина? Вотъ и видно сразу, что дурачина! У Вильгельма то чай есть жена, да можетъ и не одна, а бабы вѣдь какой народъ.

Нѣмецкія бабы.

— Муженекъ, что бы ты сдѣлалъ, если бы я тебѣ съ русскимъ измѣнила?

И тебя бы и ее убилъ.

— А я, если бы ты съ русской измѣнилъ, тебя бы казакамъ отдала, а ее—нашимъ добрымъ нѣмецкимъ солдатамъ!

— Ты моего жениха отбила?

— Онъ самъ ко мнѣ привязался...

— Все равно! Не даромъ я нѣмкой родилась, я тебѣ покажу, какъ нѣмцы съ врагами расправляются.

И еще хуже войну заведетъ, ежели на то пойдетъ, и не иначе. Сейчасъ какъ тутъ баба замѣшалась, оттого и война въ затяжку разыгралась! Вотъ тутъ надо какъ дѣло понимать!

— Мудрено, говорю, ягнячья мать! Да чего-жъ это бабѣ отъ войны прибыли-то ждать?.. Мужиковъ пересѣютъ и останется на землѣ на каждаго мужика штукъ по пять, а въ иномъ мѣстѣ и всѣ пятьдесятъ наборутся — ну какъ имъ тогда мужика-то дѣлить придется! Придется вѣдь имъ тогда вторую всемірную войну зав дить что бы и бабье малость посократить?

— Тьфу, старый дуроплясъ, пулеметъ тебѣ въ глазъ, а въ ротъ сороковухсантиметровый снарядъ, молчи, когда съ тобой умные люди говорятъ.

— Ишь ты штука то какая жирная, что значитъ война то всемірная — даже старыя бабы себя за умныхъ людей считаютъ и чуть ли не въ полководцы себя предназначаютъ?..

Чтожь, быть можетъ теперь это Вильгельму какъ разъ и пригодится, а то съ полководцами у него что то не совсѣмъ ладное творится: фонъ-Эммиха побили не такъ тихо, кронъ-принцу удалому тоже хватитъ донести до дому, фонъ-Клуку врядъ-ли забыть французскую науку, а господину Гинденбургу такую на Нѣманѣ показали загвозистую фигурку, что люди баютъ, даже Вильгельмъ пужить сталъ, что вмѣсто этого Гинденбурга жену его командовать нѣмцами не послалъ. Сплоховалъ!

Что и баить—сплоховалъ!

Плюнула тутъ одноглазая мнѣ въ самую макушку, да только я и видѣлъ божью старушку; вѣроятно побѣжала къ Вильгельму въ полководцы наниматься?.. Что-жъ, отъ бездѣлья и этимъ дѣломъ можно заняться... Все лучше, чѣмъ безъ дѣловъ шататься.

Дѣдъ Травоѣдъ.

Военный раекъ.

Нѣтъ ужаснѣй бѣдствія, нѣтъ безумнѣй дѣла, нѣтъ большаго поруганія Бога, какъ война! Землятрясеніе, наводненія, бури, ураганы, пожары, повальныя болѣзни, неурожаи—все это не отъ воли человѣка и все это только тѣснѣе соединяетъ людей, наглядно показывая, что люди всѣ—братья, что бѣда одна для всѣхъ и всѣ, соединившись, побѣдятъ бѣду и поэтому одному уже людямъ на землѣ надо жить всѣмъ вмѣстѣ, въ тѣсномъ любовномъ единеніи, жить всѣмъ для одного, и одному для всѣхъ.

Война—это воля человѣка и только человѣка и если нельзя сказать, что землятрясенія, наводненія, бури, неурожаи, эпидеміи нужны человѣчеству, то какъ можно сказать, что война нужна! Ясно, что стихія болѣе имѣетъ разумнаго смысла въ своихъ даже и разрушительныхъ проявленіяхъ, чѣмъ ничтожная воля человѣка, разрушенія которой не смысла, ни оправданія не имѣютъ. Но этому всякій, начинающій войну, долженъ считаться величайшимъ и опаснѣйшимъ изъ безумцевъ, имѣвшихъ несчастье народиться и вырости въ средѣ человѣчества.

Этихъ безумцевъ не обличишь огненнымъ словомъ... Безумнымъ смѣхомъ они отвѣтятъ на обличенія.

Но ихъ обличитъ громкій, здоровый смѣхъ. Вся сила и ужасъ ихъ безумія и безумныхъ дѣлъ потеряютъ свое значеніе при звукахъ смѣлаго, здороваго, ободряющаго смѣха. Смѣйтесь надъ безуміемъ. Не ужасайтесь дѣлъ его, а стремитесь обезвредить безуміе и чѣмъ спокойнѣй вы будете при этомъ, тѣмъ скорѣй укротите безумнаго звѣря. А для этого смѣйтесь.

Сейчасъ покажу нѣсколько картинъ не изъ тѣхъ, что сейчасъ продаютъ для потѣхи большихъ и малыхъ дѣтинъ, а простые, ни геройствомъ, ни ужасомъ въ глаза не бросающіяся, а до войны касающіяся.

Пора картинкой возбуждать,
Не только грозныхъ битвъ желанья
Но также надо пробуждать
Ко всѣмъ несчастнымъ сострадание.

Наша польская граница объята огнемъ войны, польскія крестьяне разогнаны и раззорены, многія изъ нихъ по лѣсамъ скитаются, которые врагу мстятъ, которые просто лучшихъ дней дожидаются, многіе разбрелись по селамъ и городамъ и вотъ къ нимъ то скорѣй на помощь спѣшить надо намъ.

Россія мать, великая страна.
Ты мать для всѣхъ, живущихъ здѣсь, родная,
Пусть тѣ, кого не тронула война
На помощь братьямъ встанутъ поспѣшая.

По крови, по племени поляки братья намъ и русскіе, я вѣрю, всѣй душой придутъ на помощь братьямъ, залѣчать раны, нанесенныя врагомъ, вы строятъ снова разрушенный домъ, покажутъ всю красоту своей великой души, для которой не важны рубли и гроши когда дѣло правды Божіей коснется и русскую совѣсть показать придется.

Сама собой развернется.
Братья поляки матку Россію
Съ честью примите, родную мать
Съ нею надѣ Польшей солнце выграетъ,
Будете дома всегда пановать.

Въ битвахъ съ врагомъ безпощаднымъ, сильнымъ и кровожаднымъ, съ русскими наравнѣ дрались и татары и евреи и брали съ бою трофеи, и кровь ихъ, пролитая за родину мать, отнынѣ для насъ священною должна стать. Кровью они съ нами побратались и такими-же любящими дѣтьми Россіи оказались, какъ и всѣ, безъ исключенія. Родина, какъ мать не знаетъ раздѣленія. Дѣти, по глупости своей могутъ дѣлиться, пока общаго

горя не случится а тогда живо всѣ подъ однимъ крыломъ матери соберутся и только тутъ въ дѣлахъ разберутся...

Теперь прозрѣютъ и слѣпые
И скажутъ: розни впредь не быть
Чужіе были намъ братья родные,
Но мать сумѣла всѣхъ объединить!

Воякa раешникъ.

Сонъ стараго Франца.

Вилли, Вилли,
Насъ побили
Хнычетъ Францъ сѣдой.
Раньше жили—
Не тужили,
А теперь... ой, ой!..
Наши мины,
Цеппелины
Не страшны врагамъ.
Русь смѣется
И несется
Эхо по горамъ.
Шли не труся,
Ждали гуся—
Увидали львовъ...
Двѣ недѣли
Пролетѣли
И ужъ отнятъ Львовъ.
Все напрасно!
Всѣ ужасно
Злы теперь на насъ;
Наши троны
И короны
Улетѣли въ разъ.
Мнѣ отъ страха
Снится плаха,
Роковой топоръ.
Я пугаюсь
Просыпаюсь
И... бѣгу на дворъ...

М. Габаевъ.

Бомбы и шрапнели

ЗА НЕИМѢНІЕМЪ.

— Нѣмцы взяли Антверпенъ...

— Надо же имъ было чего нибудь взять наконецъ, а то вѣдь два съ половиной мѣсяца прошло, а они все топчатся на одномъ мѣстѣ и только... какъ будьто всю и войну затѣяли только для того, что на одномъ мѣстѣ топтаться!

ХРѢНЪ ВМѢСТО РѢДЬКИ.

— Вмѣсто Гинденбурга германцами теперь командуетъ генералъ Шубертъ.

— Пробуютъ, значитъ, кто вкуснѣй окажется!

ЦЕЛЛУЛОИДНЫЯ БОМБЫ.

— При взятіи Антверпена нѣмцы стрѣляли целлулоидными бомбами.

— Значитъ женскія гребенки въ дѣло пошли? Ну, теперь нѣмкамъ придется пощеголять безъ прическъ!

ГЕРМАНСКІЯ ТРАНШЕИ.

— Правда-ли, что германскія траншеи устроены съ такими удобствами, что для каждаго солдата есть ниша—спальня.

— На счетъ спаленъ не знаю, а что для каждаго солдата эти траншеи представляютъ очень удобныя... могилы, такъ это правда!

НА БѢДНАГО МАКАРА...

— Скажите, гдѣ-же австрійцевъ не били.

— Въ Вѣнѣ пока еще у нихъ на счетъ этого благополучно.

ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ.

— Турки придвинули къ Египту сирійскую армію подъ командой нѣмца-генерала...

— Ну, имъ тамъ англичане покажутъ „тьму Египетскую"!

НѢМЕЦКІЙ ГЕНЕРАЛЪ.

Вливъ въ себя корзину пива,
Я на русскихъ двинусь пухомъ—
Разстрѣляю всѣхъ ихъ живо
А не то... притисну брюхомъ!
Если жъ въ Вислу сковырнуся—
Я не поведу и ухомъ.
Врядъ на дно я опущуся
Съ этимъ толстымъ швабскимъ брюхомъ?

НИ ТУДА И НИ СЮДА.

— Знаете, турецкое положеніе мнѣ напоминаетъ легендарнаго Никиту.

— Какъ такъ...

— Да того все барыня тормошила передъ гостями и туда Никита! и сюда Никита! Наконецъ у Никиты штаны свалились и онъ остановился посреди зала съ подносомъ и сказалъ:

— Теперь ни туда Никита, ни сюда Никита.

Такъ и Турцію Германія тормошила пока у той не обнаружилась полная невозможность двинутся въ какую нибудь сторону.

ДУЛЮ СЪЕЛИ.

Нѣмецко-турецкіе агитаторы персіянъ возмущали противъ Россіи.

Сорвалось ихнее дѣло — персидское духовенство не захотѣло раньше ихъ въ петлю лѣзть.

НАЧАЛО КОНЦА.

— Въ Берлинѣ безработица и соціалъ демократы требуютъ не скрывать отъ нихъ правду — и грозятъ безпорядками...

— Да ужъ придется имъ со своимъ кайзеромъ драку затирать — не миновать

О, молодость!

Двѣ молоденькія подруги интимничаютъ.

— Ахъ, шерочка, меня сейчасъ поцѣловалъ Николай Ивановичъ!..

— Боже мой, вотъ ужасъ-то!.. Видалъ кто нибудь?

— Никто!.. Даже я закрыла глаза, чтобы не быть свидѣтельницей такого ужаснаго случая!..

ГЕРОИ.

Вотъ печати герой:
Надѣваетъ порой
На себя безкорыстья онъ маску,
А порой изъ рубля
Онъ поетъ „тру ля-ля"
И съ охотой пускается въ пляску...
Вотъ извѣстный софистъ!
Остроумно рѣчистъ,
Онъ бросаетъ въ печать грязью смѣло,
Безъ границъ его гнѣвъ,
А поживу узрѣвъ
Онъ берется за грязное дѣло...
Нѣкій мужъ мнѣ знакомъ
О субъектѣ такомъ
Говорить можетъ только ораторъ;
Я за нимъ наблюдалъ:
Утромъ онъ либералъ
И, навѣрно, къ ночи—консерваторъ...
„Какъ развратъ здѣсь широкъ!"
Говоритъ старичекъ,
Образцомъ признаваемый чести,
Но держу я пари,
Что порой до зари
Старецъ въ злачномъ блаженствуетъ мѣстѣ...

Москва. Типографія С. А. Алянчикова
Уваровскій пер. д. 18